
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 100—112
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.9

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 100—112
ББК 63.3(2)4-7
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.9

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К ПРОСВЕЩЕНИЮ

Е. А. Овчинникова^a, С. А. Троицкий^{a, b, c}

^a Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, ovchinnikova@mail.ru

^b Институт философии человека,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

^c Социологический институт (филиал),
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

Исследуется процесс трансформации представлений о гендерной идентичности на материале русской культуры XVI — начала XVIII в. Основной целью работы является анализ и описание различий в представлении о половозрастных характеристиках, а также анализ процесса становления женского дискурса как самостоятельного. По мнению авторов, идентификация мужчины и женщины с точки зрения принадлежности дому (роду, семье) как целому, характерная для традиционной культуры, предполагает не самостоятельную гендерную идентичность, а только функциональную. В начале XVIII в. происходит полное переформатирование культурной сферы, и можно говорить о самостоятельном женском дискурсе, как, впрочем, и мужском. Во второй половине XVIII в. мужчина и женщина уже воспринимаются отдельно, хотя, например, для М. Щербатова это результат «повреждения нравов».

Ключевые слова: гендерная идентичность, русская культура, культурный дискурс, женщина, мужчина, «Домострой», женский дискурс.

© Овчинникова Е. А., Троицкий С. А., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00442-ОГН-А «Терминологический аппарат и методология исследования зон культурного отчуждения».

**GENDER IDENTIFICATION
IN THE RUSSIAN CULTURAL DISCOURSE:
FROM THE MIDDLE AGES TO ENLIGHTENMENT**

E. A. Ovchinnikova^a, S. A. Troitskiy^{a, b, c}

^a Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, ovchinnikova@mail.ru

^b Institute of Human Philosophy,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

^c Sociological Institute (Branch), Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The article examines the process of transformation of ideas about gender identity on the material of Russian culture of XVI c. and the beginning of the XVIII c. The main goal of the work is the analysis and description of differences in the concept of gender and age characteristics, as well as the description and analysis of the process of the formation of female discourse as independent. According to the authors of the study, the identification of a man and a woman from the point of view of belonging to the home (gender, family) as a whole, which is characteristic of the traditional culture, does not imply an independent gender identity, but only a functional one. At the same time, the fixation of the functions of the wife and husband, as well as servants and children (“Domostroï”) leads to the fact that the custom acquires a normative character and, as a result, each of the functions acquires legal independence, which makes it possible, on the one hand, to transfer the structure of the home (as the relationship of functions) to other cultural phenomena (for example, the state), as A. Kurbsky does. On the other hand, the independence of individual functions, the possibility of their absence in the system, the features of such points of view are demonstrated by Ivan IV. Nevertheless, one should admit that on the whole they retain traditional semantic patterns. However, it is this approach that allows independent female images to emerge in the XVII c. embodied by the teachers of the schismatic Morozova and Urusova or princess Sophia. At the beginning of the XVIII c., a complete reformatting of the cultural sphere takes place and one can speak of an independent female discourse as well as the male one. In the second half of the XVIII c., a man and a woman were already perceived separately, although, for example, for M. Shcherbatov it was the result of “damage to morals”.

Key words: gender identity, feminine discourse, Russian culture, cultural discourse, female, male, “Domostroï”.

Традиционная форма идентичности, отражение которой можно найти в письменных источниках допетровского времени, сводится к топографическому мышлению о субъекте, т. е. субъект юридического, экономического и этического дискурса мыслится в связи с его положением в пространстве. Точнее говоря, главным показателем его существования является его представленность в пространстве. Важно понимать, что речь идет не о телесности субъекта, вернее, телесность выступает как маркер субъекта, но не исчерпывает его идентичности. В текстах субъект предстает как «двор» или «дом». Это коллективный субъект,

включающий в себя не только мужчину/главу/отца, но и остальных домочадцев, к которым относятся мать/советник/женщина, слуги и дети. Сложившаяся задолго до XVI в. традиция была зафиксирована в сочинении «Домострой» протопопа Сильвестра, духовника Ивана IV. В «Домострое» четко фиксируется упорядоченность жизни средневекового человека. Домовное строение вписано в мирское и органично присутствует в духовном строе жизни. Жизнь в «Домострое» может быть представлена как строгое соблюдение чина — домовного, мирского и духовного. Эти «строения», или чины, представлены в структуре самого текста: начинается «Домострой» с духовного строения (описание духовной жизни, ее регламентации, нравственно-религиозные поучения представлены с 1-й по 15-ю главу), далее (главы с 16-й по 19-ю) речь идет о мирском строении и довольно обширный раздел (главы с 20-й по 63-ю) — о домовном строении.

Человек проживает жизнь, находясь одновременно в трех измерениях, которые составляют единое целое, выстроенное в своеобразной вертикали и патерналистском подчинении. Эта структура обеспечивает единство жизни народа, единые традиции и обряды, которые четко фиксируются в «Домострое», задавая целостность быта, формируя пространство коллективной (родовой, семейственной, церковной) идентичности. Можно допустить, что именно в период формирования идеологии московской государственности происходит становление исторически особых форм идентичности: вероисповедной — связанной с духовным строением, подданнической — с мирским строением и родовой/фамильной — с домом. По словам В. В. Колесова, «в соответствии со средневековыми представлениями Домострой в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство — церковь — семья, с ведущим для этой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза» [Колесов, 2007: 312].

Главная задача государя / хозяина «дома» — это устроение «дома», воспитание вверенных его попечению чад. В рамках домовного строения социальные роли и жизненные смыслы также четко обозначены. В «Домострое», как было замечено исследователями, впервые в языке появляются такие понятия, как «мужчина» и «женщина» (чин мужа и чин жены), которым соответствуют определенные социальные практики поведения и роли. У В. В. Колесова читаем: «Все новыми словами этот регламентирующий текст XVI в. разводил по смыслу прежде синкретичные термины. Муж — в прежних понятиях — и человек, и мужчина, и супруг, как и жена — и хозяйка, и женщина, и супруга. <...> Распределение понятий подчеркивается разными словами: муж — мужик — мужчина, жена — женка — женщина; эти слова постепенно становились знаками различных социальных признаков человека» [там же: 335].

Для носителей культуры было бесспорным то, о чем пишет Сильвестр, но именно проговаривание в тексте позволяет отстраниться от проговариваемого и осмыслить его, сделать объектом рационального восприятия, а вместе с тем и подвергнуть критическому восприятию.

В годы правления Ивана Грозного фактически формируется весь корпус текстов, описывающих идентификационную модель российского самодержавного государства: «Великие Минеи-Четьи» — собрание книг, «которые в Русской земле обретаются», «Степенная книга царского родословия» — историческая картина объединения всех русских земель в единое государство, «Стоглав» —

уставной сборник, регламентирующий и упорядочивающий религиозную жизнь русского общества, и «Домострой» — идеальная модель построения повседневной жизни человека, его дома и мира. Статус женщины на данном историческом этапе, ее социальные роли можно реконструировать по правовым документам эпохи, ее образ — по агиографическим текстам и художественной литературе. Однако, как отмечает Д. С. Лихачев, древнерусские писатели нечасто обращали свой взор к дочерям, женам и матерям героев русской истории [Лихачев, 1987: 73]. Не так многочисленны исследования, в которых анализируется женский характер, женский образ в древнерусской словесности. Среди них можно упомянуть дореволюционные издания — Ф. И. Буслаева [Буслаев, 1990], В. С. Иконникова [Иконников, 1874], работы современных авторов — историков, философов, литературоведов — Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева, 1989, 1996], Л. В. Солоненко [Солоненко, 2006], П. В. Снесаревского [Снесаревский, 1983], Т. В. Чумаковой [Чумакова, 2004] и др.

В данном исследовании нас интересует прежде всего дом как форма мышления о субъекте. Ю. М. Лотман писал: «Когда Иван Грозный казнил вместе с опальным боярином не только семью, но и всех его слуг, это было продиктовано не мнимой боязнью мести (как будто холоп из провинциальной вотчины мог быть опасен царю!), а представлением о том, что юридически все они составляют одно лицо с главой дома и, следовательно, казнь естественно на них распространяется. <...> То же понятие коллективной (в данном случае — родовой), а не индивидуальной личности лежит, например, в основе кровной мести, когда весь род убийцы воспринимается как юридически ответственное лицо. С. М. Соловьёв убедительно связал местничество с представлением о коллективной родовой личности: “Понятно, что при такой крепости родового союза, при такой ответственности всех членов рода один за другого, значение отдельного лица необходимо исчезало пред значением рода; одно лицо было немислимо без рода: известный Иван Петров не был мыслим как один Иван Петров, а был мыслим как только Иван Петров с братьями и племянниками. При таком слиянии лица с родом возвышалось по службе одно лицо — возвышался целый род, с понижением одного члена рода — понижался целый род”» [Лотман, 1992: 13—14].

Дом здесь выступает как частный случай рода. Он не сводится только к кровной семье, но юридически включает в себя еще и слуг, и недвижимое имущество, и скот, однако персонифицируется в личности главы семьи. Проблема ответственности свидетельствует об этом феномене как юридическом и/или этическом. Юридическая ответственность не делегируется, а концентрируется в персонифицированном доме (глава семьи), а уже он выступает как инстанция власти и ответственности для домочадцев, следовательно, его задача — наказывать за проступки. Мы можем такую схему вертикального распределения ответственности и власти увидеть в политической организации средневекового государства, в том числе и Руси. В традиционной культуре каналы распределения власти и ответственности фактически совпадают, в этом смысле юридическое совпадает с политическим (судебная система замкнута на великого князя или царя). Так же выстроена и структура дома.

Если мы обратимся к «Домострою», то структура дома описывается следующим образом: отец — мать — дети/слуги.

Эта структура исчерпывает весь состав действующих и ответственных субъектов дома. Мир мужчины предполагал присутствие в трех строениях — домовном, мирском и духовном, в которых он выполнял строго отведенные ему роли в патерналистской системе, отвечая перед миром и Богом за устройство, порядок в доме/роду/семье, порядок не только хозяйственный, но прежде всего духовный и нравственный. Отец является главой семьи, представителем дома вне его, он несет ответственность за все, что может произойти в доме и за его пределами с участием домашних. Что бы ни было, а отвечать перед Богом и царем именно ему: «Если муж сам того не делает, что в этой книге писано, и жены не учит, и слуг своих, и дом свой не по-божески ведет, и о своей душе не радеет, и людей своих правилам этим не учит, — и сам себя погубит в этой жизни и в будущей, и дом свой, и всех остальных с собою. Если же добрый муж радеет о своем спасении и жену и чад своих наставляет, как и слуг своих, всякому страху божию учит и достойной христианина жизни, как здесь написано, то он со всеми вместе во благоденствии и по-божески жизнь свою проживет и милости божией удостоится» [Домострой, 2007: 166].

Мир женщины — это прежде всего дом (за который она отвечает перед мужчиной) и духовный мир (при том, что в церкви, перед духовным отцом, перед Богом мужчина несет ответственность за дом и всех домочадцев), женщина выступает хранительницей домашнего строения (как хозяйственной стороны, так и вероисповедной). Мир женщины четко определен, очерчен, ее голос не слышен, однако говорить о «невегласии» женщины этой эпохи (используя термин Г. Шпета) будет не совсем корректно.

Мать (жена главы семьи) является советницей отца, его помощницей, на ней лежит вся забота о хозяйстве. Однако ее ответственность распространяется на то, что внутри дома (хозяйство). В данном случае называть мать правой рукой отца будет не только метафорой, но и указанием на неотделенность в этой идентификационной модели матери от отца (муж и жена — одно). Даже образ злой жены, претендующей на доминирование в семье, описанный Даниилом Заточником [Слово... , 1932], не противоречил домостроевской модели. Описывая несовпадения нормативного идеала и реальной практики, Даниил не разрушает, а скорее утверждает этот идеал. Даниил не мыслит женщину иначе, как жену, т. е. вне семьи [Романов, 2002: 256]. Женский дискурс в русском Средневековье — это дискурс мужчиной жены. «Главная цель, к какой должен был устремляться поп... это венчать и венчать» [там же: 189]. Причем в случае необходимости женщине можно пропускать службу в церкви: «А женам в церковь божью ходить как удастся — и по желанию, и советуясь с мужем» [Домострой, 2007: 148]. Церковь — публичное пространство, поэтому отец, который должен представлять дом в публичном пространстве, как раз лишен права ее не посещать.

Последним звеном являются слуги и дети, которые функционально не разделены автором «Домостроя» и, по видимости, носителями традиции: праведно жить означает — «жену наставляя», но держать «домочадцев своих не понуждением, не битьем, не тяжкою работою, а словно детей, что всегда в покое, одеты и сыты, и в теплом дому, и всегда в порядке» [там же: 138]. Представленное в «Домострое» функциональное объединение домочадцев с детьми соответствует культурной установке: дети, как и домочадцы, находятся на самой нижней

ступени интеллектуального состояния. Собственно, и само слово «домочадцы», которое изначально было синонимично слову «челядь» и означало всех, кто под крышей дома проживает, произошло как слияние слов «домашние чада». Постепенное семантическое отделение и фиксация за слугами обозначения «челядь», а обозначения «домочадцы» за — в том числе — не кровными членами семьи зафиксировали в языке перераспределение культурных функций и социальную стратификацию. Этимологически же «домочадцы» и «чада» совпадают, о чем и свидетельствует «Домострой», объединяя их в единую группу.

Такое распределение не случайно. Мы уже упомянули о факторе ответственности, который обуславливает распределение функций и место в иерархии домочадцев. В соответствии со средневековой культурной моделью обыденного сознания, тот, кто ближе к Богу, во всех отношениях лучше (умнее, честнее, отважнее и т. д.), отсюда и презумпция обладания всеми этими качествами представителями аристократии (они ближе к Богу), и отрицание возможности их наличия у социальных низов. Отсюда и отношение к ним со стороны аристократии как к детям. Отношение это полностью воспроизводит модель дома (семьи) с соответствующим распределением обязанностей, функций, требований. Поскольку отец ближе к Богу и перед ним отвечает, то и презумпция ума относится к нему, что позволяет ему «учить» (воспитывать) чад и домочадцев: «...тесная связь между родов обуздывала страсти юношей, которые, не токмо быв воспитываемы в совершенном почтении и беспрекословном повиновении к их родителям, обязаны были почитать всех старших своего рода и в них обретали строгих надзирателей своих поступков... защитников, во всяком случае» [Щербатов, 1858: 32].

Отец наставляет мать, но вместе с тем она выполняет роль советницы. Сильвестр советует «каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, по колокольному звону встав и после молитвы, мужу с женою советоваться о домашнем хозяйстве» [Домострой, 2007: 154]. Существуют определенные ограничения в форме воспитания. Дети и слуги, находящиеся в самом низу семейной иерархии, удалены от Бога — ответственность несут минимальную, и в этом смысле функционального различия между ними (детьми и слугами) нет. Они ответственны перед отцом и матерью и подвергаются научению, воспитанию. «Любить и хранить их, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а не то, разобравшись, и поколотить. Наказывай детей в юности — упокоят тебя в старости твоей» [там же: 228]. Формы воспитания различаются по отношению к матери и по отношению к детям/слугам. Сильвестр рекомендует поучать жену «с любовью и примерным наставлением» [там же: 261] и только в крайнем случае с помощью физического воздействия. В то же время для детей и слуг физическое воздействие оказывается наиболее действенным способом вразумления: «Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не желей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость... Воспитаи детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. <...> Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой» [там же: 159].

Причина такого отношения к физическим наказаниям лежит в христианском противопоставлении духовного и телесного, а точнее, души и плоти. Чтобы спасти душу, нужно умертвить плоть, усмирить волю, а если этого не сделать, то плоть погубит душу (затянет в ад). Поэтому воспитание интерпретируется как практика построения души.

Итак, половозрастная идентичность сводится к представлению о своем месте в семейной иерархии (доме) как целом.

Данная модель воспроизводится в сочинениях, например, Андрея Курбского, когда он излагает свою теорию мудрых советников. Несмотря на просветительство как форму отношения к знанию, книгам, достаточно прогрессивные взгляды, его представления о государстве воспроизводят модель «Домостроя». В соответствии с ней государство состоит, как и семья, из трех частей: царь — мудрые советники — народ.

Выстроенная Иваном Грозным при непосредственном участии Андрея Курбского система государевых помощников трактуется также как «теория мудрых». Сравним с домостроевской моделью семьи: отец — мать (советник) — дети/слуги. По всем параметрам части структуры, описанной Курбским, совпадают с аналогичными в «Домострое». По мнению Курбского, такая модель была реализована в ранний период правления Ивана IV.

Царь, как и отец, несет ответственность перед Богом, только распространяется она на все, что происходит в государстве. Фигуры советников, которых Курбский называет в «Повести о государе Московском» «избранной радой», функционально совпадают с образом матери в Домострое. Существование этого слоя Курбский объясняет несовершенством человека, а царь — человек, следовательно, может ошибиться, поэтому нужен кто-то, кто может подсказать правильное решение. Решение окажется правильным потому, что в «избранную раду» входит аристократия, а она ближе к Богу, следовательно, в соответствии со средневековой презумпцией, более умная, красивая, храбрая, честная и т. п. Этих людей князь Курбский называет «сильные во Израиле» (т. е. царское окружение) [Переписка... , 1993: 119]. Народ как объект описания его функций Курбского по определенным причинам не слишком интересует.

Иван IV предлагает новое решение структуры: царь — холопы. Применительно к воеводам сказано: «...жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить» [там же: 136]. Иван Грозный выступает с критикой «теории мудрых советников»: «А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!» [там же: 126]. Интересно, что церковно-политическая схема XIII в., выраженная в «Слове Даниила Заточника» фразой «Женам глава мужи, а мужем князь, а князем бог» [Слово... , 1932: 59], отражающая традиционные представления и показывающая источники и инстанции ответственности, систему каналов власти, несколько в концепции Ивана Грозного не нарушается. Просто удаляется «лишний» элемент: «Пророк рече: горе дому, иже обладает жена; горе граду имже мнози обладают. Во царстве многих владение подобно женскому безумию: яко же жена не может своего хотения уставити, овогда тако, иногда же инако, тако же во царстве многих владение; аще

и крепки, аще и мудры, аще и разумны, — тот тако, а иной инако» [Переписка... , 1993: 57].

С отказом от среднего звена в структуру была привнесена биполярность, а значит, и противоположение полюсов структуры друг другу. Зачем советники, если они пекутся только о своих интересах (презумпция снимается, акцент переносится на реальное положение дел, припоминается коррумпированность и пр.), отвечать же все равно царю.

Поскольку «Бог дает власть, кому хочет» [там же: 167], по тому, насколько успешен правитель, можно судить, на чьей стороне Бог и чьи поступки он приемлет. Поводом для написания второго послания Ивана Грозного через 13 лет после первого стали военные победы русской армии в Ливонской войне и, в частности, завоевание города Вольмер (резиденция Андрея Курбского, откуда и начата была переписка). Царь указывает на поддержку его Богом, а следовательно, на то, что Бог на его стороне, и значит, Иван все делает правильно. Это дает ему повод к злопыхательству: «И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал» [там же].

Таким образом, создается новая модель, которая транслируется и на семью, дом. Она выстраивает вертикальную систему с заложенным в ней противопоставлением мужа остальным домочадцам, которая приводит к развалу коллективного субъекта и появлению гендерной идентификации уже при Петре I, а также к появлению нового типа мышления, во многом аналогичного рыночному, в основе которого — свободная конкуренция субъектов.

Образ женщины как части семьи, элемента коллективного субъекта, как жены не разрушает и та немногая агиографическая литература, главным действующим лицом которой оказывается женщина. Поведенческий, этический образец, демонстрируемый женщинами-святыми, вряд ли можно назвать самостоятельным. Церковный подход, декларирующий равенство перед Богом, а значит, не приемлющий, по крайней мере формально, никаких различий, в том числе гендерных и половых, с одной стороны, и монастырская практика, накладывающаяся на патриархальные устои традиционной культуры, с другой, не способствовали появлению женского дискурса, свободного от доминирования как семейного, так и церковного дискурсов.

Иван Грозный вводит практику заслуженных (а не данных по праву рождения) привилегий, которые щедро распределяются между дворянами. Такое смещение приводит к дестабилизации традиционной стратификации. Церковный раскол (XVII в.) демонстрирует конфликт между церковной стратификацией и, скажем, семейной. К XVII в. усиливается самостоятельность женщины в делах духовных — выборе веры. Достаточно вспомнить знаменитых старообрядок боярынь Ф. П. Морозову и Е. П. Урусову. Несмотря на традиционалистские установки старообрядчества, именно женщины-старообрядки (по крайней мере, знатные лидеры движения) фактически разрушают системы чинов (иерархии), поскольку перенимают чисто мужские функции (несут прямую ответственность перед государством; выступают в качестве внешних представителей коллективного субъекта, которым в данном случае является старообрядческое движение в целом; вступают в открытое противостояние «злу», свойственное культурному

герою, богатырю, святому-воину, в результате становятся объектом героизирования). Таким образом, произошедший заметный сдвиг в границах между стратами позволил, например, легитимировать возвышение царевны Софьи, подготовил основу для переформатирования всей культурной и социальной карты страт, сложившейся в результате реформ Петра I. Следствием этого стало появление самостоятельного женского дискурса. Действительно кардинально положение женщины меняет Петровская эпоха и последовавшее за ней многолетнее женское правление XVIII в.

При Петре формируется новая идентификационная модель «каждый сам за себя», коллективный субъект рассыпается. На смену ему приходит новая модель — индивидуалистская, результат влияния европейского Нового времени. В ситуации разрушения коллективных идентичностей необходимо отделиться от других социальных групп. Так, этикетный кодекс наставлений для юношества петровского времени «Юности честное зерцало» советует представителям высших сословий всегда между собою говорить на иностранных языках, «дабы тем навикнуть могли... чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать» [Алферов, Грузинский, 1907: 10]. Возникает потребность и в гендерной идентификации, как отграничении себя от Другого по причинам разницы полов. Однако восприятие женщины мужчиной становится более негативным, чем прежде.

Князь М. М. Щербатов первым отметил и описал эту тенденцию в своем памфлете «О повреждении нравов в России». Он, как традиционалист и консерватор, выступает с критикой европеизации государства как причины повреждения нравов. Однако критика касается не столько самого Петра I, который был лишен стремления к сластолюбию и роскоши, сколько его преобразований и разрушения привычной родовой идентичности. В ситуации, когда каждый человек сам за себя, появляется свободная конкуренция, победить в которой, по мнению Щербатова, можно только имея средства для того, чтобы быть заметным. Отсутствие ответственности за весь род снимает этические ограничения, а главной целью становится получение средств для победы в конкурентной борьбе: «...стали не роды почтенны, но чины и заслуги, и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможам» [Щербатов, 1858: 45].

Как следствие, стали распространяться хвастовство и соревнование в роскоши, отсюда и воровство, и подхалимаж, и коррупция.

В семейном укладе и отношении полов тоже происходят перемены. Женщина Щербатовым рассматривается как субъект ответственности наравне с мужчиной, а поскольку «женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской» [там же: 49], то и вина на нем большая. «Преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые» [там же: 48], «учинились» ассамблеи и балы, на которых женщины и мужчины стали стремиться понравиться друг другу. Такое стремление только усиливает «повреждение нравов», что, как считает Щербатов, демонстрирует весь XVIII в. Низшей же точкой падения нравов он считает правление Екатерины II, так как «мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом

камни Закона Божия», и потому как на колеблющихся светских «главностях» основана, с ними общему колебанию подвержена [там же: 97].

Одним из маркеров становится участие женщин в общественно-политической жизни России, появление женской прозы, прежде всего женского автонарратива, что было не свойственно предшествующим эпохам. Именно XVIII в. позволяет услышать женский голос, женскую историю из записок. Женщины стали получать светское образование, позволяющее им конкурировать с мужчинами в отдельных областях.

Однако следует заметить, что женщина просветительской эпохи являла собой редкое сочетание традиции и новации в сфере морали и культуры, которое позволяет взглянуть по-особому на формирование гендерного дискурса XVIII в.

При очевидном приоритете рационалистического начала, в просветительской культуре сохраняется преемственная связь с предшествующей средневековой традицией, усматривавшей основания нравственности в стремлениях души и сердца. Стремясь преодолеть противоречие между разумом и чувствами, русские писатели и мыслители обращаются к категории души, видя в ней синтез, средоточие рационального и чувственного начала в человеке. Женщина в контексте просветительских теорий предстает носителем прежде всего чувственного, природного начала, а значит, нравственного. Душа и сердце (как средоточие души) являются основанием нравственного начала в человеке, которое имеет и рациональные, и чувственные составляющие. Идея морали в русском Просвещении утверждается как рационалистически, так и при помощи «сердечных» доводов, что позволяет просветительскому сознанию сохранить идею целостного нравственного субъекта, идею, которая во многом определит своеобразие и специфику женских образов в русской художественной литературе, в культурной, нравственной, религиозной традиции. Именно женщина, с ее способностью к сердечному ведению, нравственному чувству и переживанию, будет восприниматься просветительским сознанием, а вслед за ним и всей последующей традицией русской мысли и русской литературы как носительница природно-нравственного начала, как целостная личность.

Русская женщина эпохи Просвещения — это образованная, читающая дворянка (речь идет именно о дворянстве, поскольку просветительские ценности коснулись прежде всего образованной части русского общества, едва затронув остальные социальные слои). Итогом секуляризационных процессов просветительской эпохи явилось то обстоятельство, что уже с середины XVIII в. православие перестает формировать взгляды русского дворянства, происходит «обмирщение» сознания и культуры, приоритет духовного, нравственного наставничества закрепляется за литературой и философией.

Уже к концу XVII — началу XVIII в. под воздействием секуляризационных процессов и усиливающегося влияния западноевропейской культуры меняется характер литературы, в первую очередь нравоучительной, задававшей стереотипы поведения, определявшей специфику нравственных норм и предписаний. В этот период возрастает интерес к внешним формам поведения, этикету, о чем можно судить по многочисленной переводной литературе. С развитием светской, секуляризованной культуры XVIII в. за литературой все более закрепляется функция воспитательная, учительная. Именно литература

во всем многообразии ее жанров воспитывает русскую дворянку. В поэзии, драматургии, исторических сочинениях она находит пищу для ума и примеры для подражания. Именно литература данной эпохи может служить основным источником реконструкции нравственного сознания, нравственных норм и ценностей русской женщины эпохи Просвещения. Нравоучительная литература воспитывает те необходимые устойчивые стереотипы, которые конституируют духовно-эмоциональную сферу личности, формируют целостное представление о мире, месте и предназначении человека в нем.

Русская женщина эпохи Просвещения — это не только образованная читающая дворянка. По свидетельству историка В. С. Иконникова, во второй половине XVIII в. в России насчитывалось около 70 женщин-писательниц [Иконников, 1897: 65]. XVIII в. оставил русской культуре редчайшие документы — мемуары, записки, своего рода исповеди женщин просветительской эпохи, среди них записки Екатерины II, княгинь Е. Р. Дашковой и Н. Б. Долгоруковой (Шереметевой), и обширное эпистолярное наследие, требующее своего осмысления и включения в контекст современной культуры с целью уяснения традиций и реконструкции образа женщины эпохи русского Просвещения.

Эпоха женских правлений в России (XVIII в.), совпавшая вполне закономерно с эпохой русского Просвещения, является периодом закрепления самостоятельного женского дискурса — в рамках не семейного или церковного, а свободного от каких бы то ни было коллективных идентичностей, кроме гендерной.

Гендерный дискурс, таким образом, складывается далеко не сразу. В пространственном представлении о субъекте, в котором главным оказывается разделение функций в соответствии с половозрастными характеристиками, нет гендерного дискурса: фактически старики и дети лишены гендерной идентичности, а юридические права и обязанности напрямую связаны с функциональными и, конечно, отличаются у мужа и жены. Смерть одного из супругов означала принятие другим супругом всех функций за двоих и автоматически переформатировала принадлежность к мужской и женской стратам, создавая отдельную гибридную вдовческую страту, в которой характеристики пола оказывались существующими по инерции.

Основанием для появления гендерного дискурса, как мы показали выше, стало разрушение коллективного субъекта (дом, государство) Иваном Грозным. И хотя еще сохранялась система домостроя, вместе с нею выстраивалась форма разделения ответственности и перераспределения функций между индивидуумами. Окончательно гендерный дискурс сложился в XVIII в. как результат свободной конкуренции субъектов. Гендерная идентичность вошла в культурную практику, задавая самостоятельные мужской и женский дискурсы.

Библиографический список

- Алферов А. Д., Грузинский А. Е. Русская литература XVIII века: хрестоматия. М.: Изд-во фирмы «Сотрудник школ», 1907. 463 с.
- Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // О литературе: исследования. Статьи. М.: Худож. лит., 1990. С. 262—293.
- Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 134—268.

- Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев: Тип. Императ. ун-та им. св. Владимира, 1874. 109 с.
- Иконников В. С. Значение царствования Екатерины II. Киев: Тип. Императ. ун-та им. св. Владимира, 1897. 107 с.
- Колесов В. В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 301—356.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 3—165.
- Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 11—24.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.: Наука. 1993. 431 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: ИЭА РАН, 1996. 285 с.
- Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки, XI—XIII вв. М.: Территория, 2002. 256 с.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам // Памятники древнерусской литературы. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Вып. 3. 166 с.
- Снесаревский П. В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского Средневековья (XI—XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М.: Ин-т истории СССР, 1983. С. 26—46.
- Солоненко Л. В. Поэтика древнерусских женских житий: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 176 с.
- Чумакова Т. В. Традиции женской святости в русской культуре XI—XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2004. Вып. 4. С. 24—30.
- Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева с предисловием Искандера. Лондон, 1858. С. 15—114.

References

- Alferov, A. D., Gruzinskiĭ, A. E. (1907) *Ruskaia literatura XVIII veka: Khrestomatiiia* [The Russian literature of the XVIII century: Reader], Moscow.
- Buslaev, F. I. (1990) *Ideal'nye zhenskie kharaktery Drevnei Rusi* [Ideal female characters of Ancient Russia: Researches. Articles], in: *O literature: Issledovaniia. Stat'i*, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, pp. 262—263.
- Chumakova, T. V. (2004) *Traditsii zhenskoĭ sviatosti v ruskoĭ kul'ture XI—XVII vv.* [The traditions of female sanctity in the Russian culture of the XI—XVII cc.], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4. pp. 24—30.
- Domostroĭ* (2007) [Domostroĭ], St. Petersburg: Nauka.
- Ikonnikov, V. S. (1874) *Ruskaia zhenshchina nakanune reformy Petra Velikogo i posle neĭ* [Russian woman on the eve of the reform of Peter the Great and after it], Kiev.
- Ikonnikov, V. S. (1897) *Znachenie tsarstvovaniia Ekateriny II* [The significance of the reign of Catherine II], Kiev.
- Kolesov, V. V. (2007) *Domostroĭ kak pamiatnik srednevekovoi kul'tury* [Domostroĭ as a monument of medieval culture], in: *Domostroĭ*, St. Petersburg: Nauka, pp. 301—356.
- Likhachev, D. S. (1987) *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia], in: *Izbrannye raboty*: in 3 vols, vol. 3, Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.

- Lotman, Ju. M. (1992) O semiosfere [About universe of the mind], in: *Izbrannye stat'i*: in 3 vols, vol. 1, Tallinn: Aleksandra.
- Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* (1993) [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky], Moscow: Nauka.
- Pushkareva, N. L. (1989) *Zhenshchiny Drevnej Rusi* [Women of Ancient Russia], Moscow: Mysl'.
- Pushkareva, N. L. (1996) *Zhenshchiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni* [Women of Russia and Europe on the threshold of Modern time], Moscow: Institut étnologii i arkhologii Rossijskoj akademii nauk.
- Romanov, B. A. (2002) *Liudi i nrawy Drevnej Rusi: Istoriko-bytovye ocherki, XI—XIII vv.* [People and customs of Ancient Russia: Historical and everyday essays, XI—XIII cc.], Moscow: Territoria.
- Shcherbatov, M. M. (1858) O povrezhdenii nrayov v Rossii [On the corruption of morals in Russia], in: "*O povrezhdenii nrayov v Rossii*" kniazia M. Shcherbatova i "*Puteshestvie*" A. Radishcheva s predisloviem Iskandera, London, pp. 15—114.
- Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiiam XII i XIII vv. i ikh peredelkam (1932) [The word of Daniel the Exile to the editors of the XII and XIII cc. and its alterations], *Pamiatniki drevnerusskoj literatury*, iss. 3, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Snesarevskij, P. V. (1983) Otnoshenie k zhenshchine v pamiatnikakh pis'mennosti russkogo Srednevekov'ia (XI—XV vv.) [Attitude towards woman in the literature of the Russian middle ages (XI—XV cc.)], in: *Istoriograficheskie i istoricheskie problemy russkoj kul'tury*, Moscow: Institut istorii SSSR, pp. 26—46.
- Solonenko, L. V. (2006) *Poëtika drevnerusskikh zhenskikh zhitij*: Dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of old Russian women's lives: Diss. (Cand. Sc.)], Vladivostok.

Статья поступила 11.11.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Овчинникова Елена Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры этики, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, ovchinnikova@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Троицкий Сергей Александрович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры русской философии и культуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; руководитель Центра культурных исследований и межкультурной коммуникации, РГПУ им. Герцена; руководитель Центра изучения зон культурного отчуждения и пограничья, Социологический институт (филиал ФНИСЦ) РАН, sergtroy@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; Head of Research Center for Cultural Studies and Crosscultural Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; Head of Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).